

Ворота Восточного дворца, плотно закрытые, служили незримой границей, на время отсекая бушующие внутри страсти от любопытных взглядов снаружи. Весть о том, что Наследный принц Сяо Цзинъянь занемог, подобно камню, брошенному в тихую заводь, спустя некоторое время наконец пошла кругами.

Тай-и Чэн Буши, неся медицинский ящик и следуя за ведущим его евнухом, уверенной поступью прошел через опустевший двор Восточного дворца. Будучи старым служакой Императорской медицинской академии, он славился не только мастерством, но и поразительной сдержанностью. К тому же, в свое время он был благодетельствован покойной императрицей, а потому всегда питал к Восточному дворцу негласную симпатию. Нынешняя внезапная болезнь принца была воспринята Его Величеством лишь как дежурный повод для формального вопроса, зато из дворца Чанчунь в академию не раз посылали людей, чтобы проявить «заботу», хотя в каждом их слове сквозило желание выведать истинное положение дел. Тай-и Чэн прекрасно все понимал, но лицо его оставалось невозмутимым.

В опочивальне свет был предусмотрительно приглушен, окна лишь слегка приоткрыты, выпуская прохладный воздух. Сяо Цзинъянь полулежал на кушетке, укрывшись парчовым одеялом. В полумраке его лицо казалось бледным, губы были лишены красок — он выглядел как настоящий больной. Сяо Линьцзы, словно бесшумная тень, замер в изножье кровати.

— Старый слуга приветствует Ваше Высочество, — Чэн Буши подошел ближе и совершил положенный поклон.

— Тай-и Чэну не стоит утруждать себя церемониями, — Сяо Цзинъянь произнес это с идеально выверенной слабостью и хрипотцой в голосе и слегка приподнял руку. — Сегодня мне совсем не по себе, голова тяжелая. Надеюсь на ваше мастерство.

— Ваше Высочество слишком добры, это мой долг, — Чэн Буши поднялся, сел на вышитый табурет, который подставил Сяо Линьцзы, и достал подушечку для пульса.

Сяо Линьцзы осторожно взял запястье принца, аккуратно уложил его на подушечку и прикрыл тонким шелковым платком. Его движения были мягкими и отточенными, а опущенные ресницы скрывали любые эмоции.

Чэн Буши приложил три пальца к пульсу и закрыл глаза, сосредоточившись. В покоях воцарилась тишина, слышалось лишь ровное дыхание присутствующих да шум ветра за окном. Сяо Цзинъянь казался спокойным, но рука, скрытая под одеялом, слегка сжалась в кулак. Сяо Линьцзы затаил дыхание, его взгляд, казалось, был прикован к пальцам врача, но на деле он следил за всем происходящим, чутко реагируя на любой шорох.

Время шло. Брови тай-и Чэна едва заметно дрогнули, но тут же разгладились. Он проводил диагностику крайне тщательно, по несколько раз меняя руки.

Наконец он отстранился и открыл глаза.

— Ваше Высочество, — голос тай-и был ровным, с той холодной рассудительностью, что присуща врачу, — пульс струнный и тонкий, слегка поверхностный и слабый. Это явный признак переутомления от тревог и душевных терзаний, к чему приложилась осенняя сухость и ветер. Сердце не получает должной подпитки, а ци легких слегка заблокирована. Это болезнь от чрезмерных раздумий. Вам необходимо обрести покой, ни в коем случае нельзя нервничать и утомляться.

Его слова были безупречны: он указал на корень проблемы в виде чрезмерных тревог, что идеально соответствовало их легенде, и при этом описал симптомы так, что их можно было истолковать как угодно. Это было именно то, что требовалось для оправдания болезни.

Сяо Цзинъянь вовремя закашлялся и тихо произнес:

— Благодарю за заботу, тай-и. Раз так, прошу вас выписать рецепт, чтобы я мог спокойно подлечиться.

— Слушаюсь, — ответил Чэн Буши и, словно что-то вспомнив, добавил: — При таком недуге у Вашего Высочества наблюдается легкий дефицит ци и крови. Составляя рецепт, я добавлю немного астрагала и корня кодонопсиса для восполнения сил. Однако... — он сделал паузу, небрежно скользнул взглядом по Сяо Линьцзы и вновь посмотрел на принца, — в аптечном приказе из-за недавних дождей отсырела партия астрагала, его целебные свойства могли сильно пострадать. Боюсь, использовать его в вашем лекарстве будет не лучшим решением.

Сяо Линьцзы на мгновение вскинул взгляд, но тут же опустил его, словно его просто заинтересовали слова врача.

В глазах Сяо Цзинъяня мелькнул огонек, и он спросил:

— Вот как? Неужели? И что же вы посоветуете...

Чэн Буши погладил бороду и задумчиво произнес:

— Ничего страшного. В хранилище должны остаться запасы отборного астрагала прошлых лет, но потребуется человек, который тщательно его переберет, а на это уйдет время. Я дам указание помощникам, но приготовление отвара может задержаться на час-другой. Прошу Ваше Высочество не гневаться.

— Ничего, надежность прежде всего, — сухо отозвался Сяо Цзинъянь.

— Благодарю за понимание, — Чэн Буши поклонился, подошел к письменному столу и начал выписывать историю болезни и рецепт. Сяо Линьцзы молча подошел, чтобы растереть тушь.

Тай-и быстро закончил писать. Он дождался, пока чернила высохнут, и протянул рецепт Сяо

Линьцзы:

— Готовить строго по этому рецепту: три чаши воды уварить до одной, принимать утром и вечером.

Затем он протянул Сяо Линьцзы отдельный лист с историей болезни и добавил обыденным тоном:

— Этот документ нужно сдать в архив академии. Сходи вместе с моим помощником, проследи за регистрацией, а заодно присмотришь, чтобы они тщательно перебрали астрагал, не дай бог ошибутся.

Требование было разумным: личный слуга принца, контролирующий процесс приготовления лекарства, показывал, насколько в Восточном дворце заботятся о здоровье наследника, и гарантировал чистоту ингредиентов.

Сяо Линьцзы принял бумаги обеими руками и почтительно ответил:

— Слушаюсь, я все понял.

Чэн Буши собрал ящик, поклонился Сяо Цзинъяню:

— Отдыхайте, Ваше Высочество, завтра я приду снова проверить пульс.

Сяо Цзинъянь едва заметно кивнул, провожая взглядом спину тай-и. Сяо Линьцзы проводил врача до дверей, передал его другим евнухам, а сам поспешно вернулся назад.

В покоях остались только они двое. Сяо Цзинъянь уже сидел на кушетке, и от его болезненного вида не осталось и следа — лишь холодная решимость. Сяо Линьцзы подошел к столу, взял историю болезни и поднес ее к свету.

Сам текст был в полном порядке и соответствовал словам врача. Но пальцы слуги тщательно ощупали правый нижний угол листа — там бумага казалась чуть плотнее. Взгляд его стал острым. Он вытащил из волос тонкую серебряную шпильку — евнухи часто использовали их для проверки ядов или мелких работ — и начал осторожно соскабливать слой бумаги с края.

Вскоре тончайший, почти прозрачный листок отделился, и на нем обнаружились мелкие, как мушинные лапки, письмена!

Сяо Линьцзы передал находку принцу. Сяо Цзинъянь поднес листок к слабому свету у окна. Чем дольше он читал, тем мрачнее становилось его лицо, а в глазах застыл лед.

На листке не было никаких пометок к лекарству — там содержалось крайне важное донесение. Тай-и Чэн, рискуя головой, передал информацию: некие цензоры тайно собирают сведения о действиях приближенных Восточного дворца, особенно пристально наблюдая за мелким чиновником, отвечающим за карты и документы. Кроме того, по дворцу ходят слухи, будто принц недоволен тем, что император передал часть военной власти второму принцу, и часто высказывает свое недовольство в частных беседах. В конце сообщения тай-и предупредил: император в последнее время часто вызывает к себе главу кабинета министров и министра обороны, и вид у него крайне суровый. Тай-и просил принца быть осторожнее и в ближайшее время не покидать покоев.

Это было уже не просто очернительство — это прямое обвинение в том, что Восточный дворец затаил обиду на императора, и даже подозрение в разглашении военных тайн! Если это дело раздуют, оно пошатнет основы власти наследника.

Руки Сяо Цзинъяня слегка дрожали — не от страха, а от гнева. Его противники, видя, что он ушел в тень под предлогом болезни, не только не отступили, но и перешли в решительное наступление. Какие жестокие методы!

— Ваше Высочество? — тихо позвал Сяо Линьцзы, полный тревоги.

Сяо Цзинъянь сжал бумагу так, что побелели костяшки пальцев. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул, а когда открыл их, в его взгляде читалась ледяная решимость.

— Тай-и Чэн рисковал ради этого послания, мы не можем подвести его, — голос его был едва слышен, но каждое слово звучало четко. — Они хотят, чтобы я болел? Что ж, я буду болеть еще сильнее! Линь Су, — он внезапно назвал его по имени, пронзительно глядя на слугу, — ты отправишься в академию не только за лекарством. Ты должен высмотреть, кто именно проявляет особое внимание к делам Восточного дворца. И еще: передай Чжао Хуайаню, пусть он...

Он понизил голос до шепота, и только стоящий рядом Сяо Линьцзы мог разобрать каждое его распоряжение.

Слуга внимал каждому слову, и его глаза загорались все ярче, словно у хищника, готового к прыжку в ночной тьме. Он тяжело кивнул:

— Слушаюсь, Ваше Высочество!

<http://bllate.org/book/21784/2252696>